

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.7)

Научная статья

УДК 1

doi: 10.18522/2070-1403-2026-115-2-15-27

САНКЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

© *Николай Стефанович Гордеев*

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
redaction-el@mail.ru

Аннотация. Проведен философский анализ понятий «экономические санкции» и «рестрикции». Показано, что экономические санкции являются инструментом глобальной политики, а рестрикции – инструментом торговых войн. Раскрыты цели санкционного давления одних стран по отношению к другим. Сделан акцент на санкционном противостоянии Западной и Российской цивилизаций. Осуществлена политико-философская рефлексия причин глобального противостояния между РФ и коллективного Запада. Делается вывод о том, что глубинными причинами санкционной политики западного мира по отношению к России являются духовные, моральные и ценностные различия.

Ключевые слова: глобальная политика, экономические санкции, рестрикции, эмбарго, политическая философия, духовность, легитимность санкций.

Для цитирования: Гордеев Н.С. Санкции как инструмент глобальной политики с точки зрения политической философии // Гуманитарные и социальные науки. 2026. Т. 115. № 2. С. 15-27. doi: 10.18522/2070-1403-2026-115-2-15-27

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.7)

Original article

Sanctions as a tool of global politics from the point of view of political philosophy

© *Nikolay S. Gordeev*

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation
redaction-el@mail.ru

Abstract. The article provides a philosophical analysis of the concepts of "economic sanctions" and "restrictions." It shows that economic sanctions are a tool of global politics, while restrictions are a tool of trade wars. The article reveals the goals of sanctions imposed by some countries on others. It emphasizes the sanctions confrontation between Western and Russian civilizations. The article provides a political and philosophical reflection on the causes of the global confrontation between Russia and the collective West. The article concludes that the underlying reasons for the Western world's sanctions policy against Russia are spiritual, moral, and value differences.

Key words: global politics, economic sanctions, restrictions, embargo, political philosophy, spirituality, legitimacy of sanctions.

For citation: Gordeev N.S. Sanctions as a tool of global politics from the point of view of political philosophy. *The Humanities and Social Sciences*. 2026. Vol. 115. No 2. P. 15-27. doi: 10.18522/2070-1403-2026-115-2-15-27

Введение

Актуальность заявленной темы обусловлена тем обстоятельством, что в последние два десятилетия не только Россия, но и другие страны, уходящие от диктата западного мира, испытывают внешнеполитическое санкционное давление, затрудняющее развитие стран-адресатов. Экономические санкции превращаются в важнейший инструмент современной внешней политики одних стран против других. Несмотря на временные ограничения вводимых санкций, их последствия имеют долгосрочный эффект, который может негативно сказываться многие годы. Глобализация перестраивает мировую финансово-экономическую систему, создавая беспрецедентно плотные

связи между национальными рынками, цепочками поставок товаров и услуг, а также глобальными потоками спекулятивного и инвестиционного капитала. Растущая взаимозависимость подрывает традиционный экономический суверенитет, делая социальное благополучие, экономическую стабильность и политическую автономию отдельных государств уязвимыми перед колебаниями и кризисами в рамках доминирующего миропорядка.

Особенно болезненный эффект от всевозможных ограничений происходит в условиях однополярного мира, когда глобальные политические процессы диктуются во многом из одного мирового центра силы. Политика санкций со стороны коллективного Запада во главе с США по отношению к другим странам мира создает ситуацию далёкую от порядка, основанного на международном праве. Санкционное давление – это целый комплекс ограничительных мер, применяемых одним или несколькими государствами против другой страны или группы стран с целью ослабления экономики, сокращения торговых возможностей, разрушения финансовых систем, повышения нестабильности в обществе и принуждения к изменению политического курса.

В современной практике международных отношений, характеризующейся высокой геополитической конкуренцией и борьбой за сферы влияния, санкции становятся ключевым инструментом принуждения. Их введение мотивируется комплексом причин: с одной стороны, это политические цели по изменению поведения целевого государства в вопросах, затрагивающих интересы инициатора, а с другой – стратегические экономические интересы, такие как ослабление конкурента или защита собственных рынков. Важнейшей легитимирующей рамкой для санкций является аргумент о национальной и коллективной безопасности, используемый для нейтрализации воспринимаемых угроз и защиты суверенитета как отдельных стран, так и их союзов.

Конкретное санкционное воздействие реализуется через целенаправленное нарушение нормальных экономических связей в глобализованном мире. Это выражается в создании искусственных торговых барьеров, которые дестабилизируют цепочки поставок, и введении чувствительных финансовых ограничений, таких как отключение от международных систем расчетов и целевые эмбарго на критически важную продукцию. Для достижения долгосрочного эффекта санкционный режим также блокирует возможности будущего роста и модернизации целевой страны путем запретов на совместные инвестиционные проекты в ключевых секторах и ограничения официальной финансовой помощи, создавая дефицит финансирования для развития.

Целью настоящей статьи является политико-философское осмысление экономических (финансовых и торговых санкций, используемых отдельными странами против своих политических оппонентов, экономических конкурентов и политико-экономических врагов.

Обсуждение

Санкции как специфический способ взаимоотношений между государствами сопровождают человечество на протяжении всей его истории. Исторический факт: первое упоминание о принятии пакета экономических санкций относится к 432 году до н.э. Речь идет о применении Афинским морским союзом санкций к городу Мегаре. Была принята «Мегарская псефизма», формальной причиной была остановка приема беглых афинских рабов и запрет на распашку священных приграничных земель. Мегаре запрещалось также пользоваться портами Афинского морского союза и торговать на подконтрольных Афинам территориях. Принятые меры не оказались успешными, после их введения купцы города Мегара, терпящие убытки, заручились поддержкой Пелопонесского союза, подконтрольного Спарте, в результате чего началась Пелопонесская война. В результате Афинский морской союз потерпел поражение и был уничтожен.

Нечто подобное происходит сейчас с Европейским Союзом по причине принятия множества санкционных пакетов по отношению к России, в том числе запреты на пользование морскими портами, торговлю со странами ЕС. В результате экономика стран Евросоюза испытывает стагнацию, в то время как экономика РФ показывает устойчивость и даже рост. Приведенные исторические факты, которые разделяют две с половиной тысячи лет, указывают на обоюдоострую суть санкционных взаимодействий между государствами и группами государств, что усиливает интерес к политико-философскому анализу современных политических взаимоотношений.

В социально-политических исследованиях принято отделять санкции ООН от односторонних санкций, которые накладывают отдельные государства или региональные институты. Если санкции ООН призваны вернуть ситуацию в правовое русло, то односторонние санкции следовало бы называть рестрикциями – ограничениями, мотивом которых является ослабление оппонента, конкурента, соперника или врага без преследования цели оставаться в рамках международного права.

Тем не менее даже при таком подходе сложно провести чёткую грань между санкциями и рестрикциями. Многосторонние санкции, официально одобренные международными организациями, могут иметь те же цели ослабления, что и односторонние меры. Основное различие заключается в их легитимности, которая, хотя и вызывает споры, всё же признаётся международным сообществом, а также в формальном соответствии международным правовым нормам. Различия кроются и в масштабе воздействия. Санкции ООН, как правило, охватывают широкий спектр экономических и политических отношений, затрагивая множество стран и организаций. Рестрикции, напротив, чаще всего ориентированы на конкретного актора, будь то государство, компания или физическое лицо, и имеют более узкий, прицельный характер.

В конечном счете, выбор между применением санкций и рестрикций – это вопрос политической целесообразности и соображений силы. Санкции, будучи более сложным и долгосрочным инструментом, требуют широкой международной поддержки и консенсуса. Рестрикции, напротив, дают возможность действовать быстро и решительно, не оглядываясь на мнение других игроков. Отсюда понимание принципиальной разницы между этими видами санкций: санкции ООН универсальны и обязательны для всех, а санкции отдельного государства или группы государств не обязательны для всех и могут иметь антиправовые и антигуманные основания. В тех случаях, когда принимаются односторонние санкции, то фактически используется национальное законодательство, которое может не признаваться страной, против которой нацелены санкции.

Примечательно, что в этом проявляется принцип суверенного равенства, закрепленного в п. 1 ст. 2 Устава ООН [11]. Обратим внимание: в Уставе ООН нет понятия санкций, в качестве синонима применяется понятие ограничительных принудительных или рестриктивных мер. Рассуждая о правовых основах санкций ООН, принято сослаться на гл. VII ст. 41 Устава ООН. Эта статья определяет право совета безопасности ООН использовать различные меры, за исключением использования вооруженных формирований, для осуществления решений СБ ООН. В Уставе ООН записано: «меры могут включать полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных... и других средств общения, а также разрыв дипломатических отношений» [11]. К примеру, К.В. Крицкий интерпретирует санкции следующим образом: «Меры, применяемые Советом Безопасности ООН на основании главы VII Устава ООН в отношении угрозы миру, нарушений мира или акта агрессии» [4, с. 3].

Санкционная практика в последние десятилетия вышла за рамки традиционных подходов (возвращение государства в рамки международного права) и превратилась в своеобразный механизм внешнеполитического давления и навязывания своей гегемонистской воли. При этом отсутствуют необходимые единые правовые стандарты по соблюдению суверенитета государства, по отношению к которому применяются санкции, и по защите прав человека посредством экономических санкций. Так, А. Мелик-Багдасаров определяет экономические санкции как инструмент экономического воздействия для достижения конкретных внешнеполитических целей. Он считает, что «применение экономических санкций имеет смысл при однополярном устройстве геополитической системы мира, тогда как при многополярном устройстве они могут не поддерживаться либо одной стороной, либо другой» [5]. Под экономические санкции И.Н. Тимофеев и Т.А. Махмутов понимают «торговые, финансовые и иные ограничения, которые используются для принуждения отдельных государств к выполнению политических требований стран-инициаторов» [6, с. 11].

Таким образом, экономические санкции превращаются в политические механизмы влияния на субъекты политических процессов.

В международных отношениях нет единого суверена, а это означает отсутствие устойчивых правовых основ для легитимной власти. Поскольку это так, то следует признать, что, несмотря на развитую систему международного права, фактор силы имеет решающее значение в мировом политическом устройстве. Международные отношения опираются на синонимическое тождество понятий «власть» и «сила». «Речь также может идти о силовом потенциале (power capability), который обеспечивает претензии на власть или гарантирует защиту от таких претензий» [6, с. 10].

Заслуживает внимания определение санкций в классическом труде авторского коллектива под руководством Г. Хафбауэра. «Санкции – это намеренные действия государства (страны-инициатора), коалиции государств или международных организаций по сокращению, ограничению или выходу из торговых и финансовых отношений со страной, которая является целью санкций» [15]. Хафбауэр справедливо считает, что действия стран-инициаторов направлены на достижение политических результатов:

- смена политического курса,
- изменение позиции по тому или иному вопросу,
- смену политического режима,
- стимулирование к выполнению или отказу от определенных обязательств,
- изменение поведения внутри государства или на международной арене.

С приведенным списком целей санкционного давления пересекается список целей санкций, которые выделяет Т.Ж. Зейншев [3, с. 12] в своем исследовании:

- добиться изменения политического курса государства, на которое направлены ограничения;
- ослабить экономический и оборонный потенциал страны-мишени;
- подача политического сигнала или предупреждения;
- причинить ущерб конкретным физическим и юридическим лицам, а также определённым отраслям экономики целевого государства;
- принудить третьи страны к прекращению сотрудничества с объектами санкционного давления.

Хафбауэр показывает, что экономические санкции предполагают, что страна-инициатор создает такие условия, при которых экономический ущерб, упущенная выгода, а также их последствия для общества и политической системы делают невыгодным сохранение старого политического курса и заставляют целевое государство идти на уступки требованиям страны-инициатора [15]. Санкции можно понимать, как попытку ограничить или повлиять на суверенитет и суверенный политический курс мерами экономического характера» [6, с. 12–13].

Как отмечалось выше, экономические санкции наиболее часто применяются к финансовому и торговому секторам по отдельности или вместе. В случае применения торговых санкций ограничиваются внешнеторговые операции со страной-адресатом. Сфера торговых санкций включает экспортные ограничения, которые принимают вид эмбарго; речь может идти о поставках технологий, техники и оборудования. Выделяют различные виды эмбарго: торговое, финансовое, оружейное, транспортное и др.

В истории санкций есть яркий пример торговых санкций: нефтяное эмбарго членов ОПЕК 1973 года. Тогда ОПЕК отказалось продавать нефть странам, которые поддерживали Израиль в войне с Египтом и Сирией, что привело к росту цен на нефть в 4 раза в течение года.

При финансовых санкциях могут ограничиваться валютно-денежные операции, прекращаться или запрещаться инвестиции, кредитование, «замораживаться» банковские счета и др. В качестве примера можно упомянуть санкции 2014 г., введенные США и ЕС по отношению к России, связанные с присоединением Республики Крым к РФ. Еще до заключения договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым, который был подписан 18 марта 2014 года, против России были введены санкции. Так, 4 марта 2014 года США прекратили инвести-

ционное сотрудничество с РФ, а 18 июля Европейский инвестиционный банк перестал финансировать проекты в России.

С начала специальной военной операции (СВО) России на Украине 24 февраля 2022 г. против России десятки стран ввели санкции против финансового, энергетического, транспортного и технологического секторов российской экономики. Было закрыто воздушное пространство, морские порты, «заморожены» российские золотовалютные резервы, размещённые в западных юрисдикциях. В настоящее время ЕС занимается подготовкой нового, 20-го пакета санкций, чтобы продолжить оказывать давление на Россию и в особенности на её энергетический сектор.

Следует выделить ещё один важный аспект экономических санкций: они имеют значение и как угроза их применения. Профессор Нэвин Бапат исследовала вопрос разницы между эффективностью применения санкций и угрозой их применения. Она считает: «В случае угрозы применения санкций они рассматриваются как показатель «символической власти», поскольку достаточно случаев, когда внешнеполитические цели достигались малыми усилиями, то есть лишь угрозой применения санкций» [13, с. 81]. Угроза санкционным давлением может иметь в качестве цели как определенную страну, так и общественность страны-инициатора санкции. Это происходит в том случае, когда угроза санкциями кому-либо выступает в качестве способа решения внутренних проблем, как аргумент для внутренней аудитории в состоятельности своих политических лидеров и органов власти.

Этим объясняются факты отсутствия у страны-инициатора внятной стратегии по отношению к стране-адресату. Таким образом, угрожая санкциями, власти страны-инициатора создают видимость бурной деятельности, что может способствовать повышению уровня поддержки властных структур со стороны своего населения. В таких случаях санкции выполняют функцию «театра безопасности» (термин придуман Эдвардом Фелтенем после терактов в США 11 сентября 2001 года).

В условиях отсутствия единого верховного арбитра в международном праве и конкуренции политических нарративов в глобальном информационном пространстве, инициатива о применении санкций немедленно провоцирует острую дискуссию об их правовом и моральном статусе. Эта полемика ведется не только на дипломатическом уровне, но и в международных СМИ и академическом дискурсе, разделяя сторонников страны-инициатора, апеллирующих к защите универсальных норм, и защитников страны-мишени, указывающих на избирательность применения права и принцип невмешательства во внутренние дела.

Государство или коалиция, иницирующие санкции, обосновывают свои действия в рамках логики ответственного суверенитета и глобального управления, позиционируя их как легитимную альтернативу военной силе. С этой точки зрения, санкции – это законный (опираются на собственное национальное законодательство), и эффективный инструмент, позволяющий оказывать целенаправленное давление с целью изменения нежелательной политики, минимизируя гуманитарные издержки.

Напротив, государство-мишень, сталкиваясь с социально-экономическими трудностями, категорически отвергает односторонние меры как форму неокOLONIALного давления. Оно объявляет санкции антигуманными и несправедливыми, служащими интересам геополитических конкурентов. В ответ выдвигается строгая нормативная позиция: единственным органом, обладающим универсальной легитимностью для принятия принудительных мер, объявляется Совет Безопасности ООН, где решение требует консенсуса постоянных членов и призвано гарантировать коллективный характер и легитимность подобных действий.

В глобальном политическом дискурсе инициаторы санкций, стремясь к легитимации своих действий в глазах международного сообщества, выдвигают ключевой аргумент о цивилизационном превосходстве этого метода. Они позиционируют целенаправленные экономические и финансовые ограничения как гуманитарную альтернативу прямому вооружённому конфликту – инструмент, который позволяет достигать геополитических и идеологических

целей «мирным», дипломатическим путём. Эта нормативная позиция закреплена в стратегических документах ключевых западных игроков.

Так, в основополагающих актах Европейского Союза, который представляет себя как «нормативную силу» (normative power), санкции определены как законный и пропорциональный политический инструмент гибридного принуждения, стоящий в одном ряду с дипломатией и призванный предотвращать эскалацию конфликтов и защищать либеральный международный порядок, основанный на правилах (rules-based international order). Россия, ставшая объектом масштабных санкций Запада после событий 2014 г. на Украине и далее в 2022 г., заняла жёсткую контрпозицию, которая отражает её видение многополярного мира и защиты государственного суверенитета. Российская позиция заключается в том, что подлинную легитимность и законность могут иметь лишь санкции, одобренные решением Совета Безопасности ООН как единственного органа, наделённого Уставом ООН мандатом на поддержание международного мира.

Любые односторонние или коллективные, но не санкционированные СБ ООН меры экономического ограничения трактуются РФ как неприемлемые, нелегитимные и противоречащие международному праву инструменты политического давления и экономической войны. Эта доктринальная установка была формализована в Концепции внешней политики Российской Федерации 2016 г., где прямо зафиксирован принцип «многосторонности» (multilateralism) через ООН. В документе утверждается, что решения о принудительных мерах должны приниматься исключительно Советом Безопасности ООН на коллегиальной основе, что призвано предотвратить злоупотребления и обеспечить учёт интересов всех сторон.

Россия последовательно выступает за полный отказ от практики односторонних принудительных мер, которые квалифицируются ею как прямое нарушение Устава ООН и подрывающие его фундаментальные принципы, такие как суверенное равенство государств и невмешательство во внутренние дела. Подобная нормативная позиция не является изолированной и отражает более широкий раскол в системе международных отношений. К ней присоединяется Китай, продвигающий идеологию «сообщества единой судьбы человечества» и выступающий против «гегемонизма», а также большинство стран так называемого Глобального Юга (Global South), включая ведущие региональные державы, такие как Индия, Бразилия, ЮАР, Нигерия, Индонезия и Мексика. Их солидарность основана на общем историческом опыте колониализма и неоколониального давления, а также на опасении, что односторонние санкции могут быть в будущем применены и против них, угрожая их экономическому развитию и политической автономии. Консолидация этой антисанкционной коалиции нашла своё выражение в коллективных дипломатических инициативах.

В 2014 г. на саммите Движения неприсоединения в Боливии была принята декларация 78 государств, представляющих в основном Глобальный Юг. В этом документе однозначно осуждается практика односторонних экономических мер принуждения как неприемлемая, и содержится призыв к её полному искоренению из арсенала современной дипломатии, что маркирует стремление этих стран к формированию более справедливых и эгалитарных правил международного взаимодействия. Критика односторонних санкций получила поддержку и на уровне экспертных органов ООН. В 2015 г. специальный докладчик ООН по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на права человека Идрис Джазири представил на Генеральной Ассамблее доклад, в котором прямо указал на их нелегитимный характер и катастрофические последствия для осуществления широкого спектра прав человека в странах-мишенях, включая права на жизнь, здоровье и развитие. Для противодействия этому он предложил комплекс мер: разработку и принятие международной декларации, кодифицирующей принципы верховенства права в применении рестриктивных мер, и создание публичного реестра всех вводимых санкций под эгидой ООН, что должно повысить прозрачность, ответственность и сдержанность в использовании этого спорного инструмента внешней политики [2].

В контексте постмонополярного миропорядка, где институты коллективной безопасности часто парализованы, а военная сила несёт неприемлемые риски, санкции стали рассматриваться

как ключевой инструмент реализации геополитического и геоэкономического доминирования. На практике они превратились в современный рычаг принуждения, позволяющий более сильным акторам навязывать собственную политическую и экономическую повестку странам-мишеням, выступая инструментом долгосрочного влияния в условиях жесткой конкуренции за передел сфер влияния. С точки зрения стран Глобального Юга и тех государств, которые стремятся к укреплению своего суверенитета в рамках идеологии многополярности, односторонние или коллективные, но не санкционированные ООН санкции воспринимаются как гибридная форма вмешательства во внутренние дела. Они рассматриваются как прямое нарушение фундаментальных принципов Устава ООН – суверенного равенства и невмешательства, что порождает дискурс о новом виде «санкционного колониализма», при котором экономическая мощь используется для подрыва политической автономии.

Эффект санкций часто имеет характер бумеранга (boomerang effect), что наглядно демонстрирует пример масштабных антироссийских ограничений. В условиях глубокой экономической взаимозависимости в рамках глобализованного рынка эти меры оборачиваются серьезными негативными последствиями для стран-инициаторов. Так, для экономик Евросоюза и США это выразилось в энергетическом кризисе, росте инфляции, нарушении логистических цепочек и вынужденной дорогостоящей перестройке рынков сбыта и поставок, нанося ущерб их собственным бизнесам и потребителям. Официальная риторика российского руководства, являющаяся частью стратегии информационного противодействия и внутренней консолидации, строится на двойственном нарративе.

С одной стороны, президент В.В. Путин публично заявляет, что санкции спровоцировали политику импортозамещения и мобилизацию внутренних ресурсов, что, по его оценке, пошло на пользу диверсификации и развитию отечественной промышленности и сельского хозяйства. С другой стороны, признается, что ущерб для российской экономики от западных рестрикций составляет миллиарды долларов. При этом акцент делается на том, что экономические издержки для стран ЕС и США, понесенные в результате разрыва хозяйственных связей и контрсанкций, оказались несопоставимо выше. Этот контрастный тезис используется для демонстрации относительной устойчивости российской модели и дискредитации эффективности западной политики сдерживания в глазах как внутренней, так и международной аудитории.

Для США применение санкций по отношению к другим государствам является обыденным приемом, к примеру, в 1962 г. американский президент Джон Кеннеди подписал указ о полной торговой блокаде Кубы. ООН 29 раз выносила на голосование проект резолюции о прекращении блокады Кубы, но США всегда голосовали против. В этой связи возникает вопрос об эффективности работы ООН и других международных организаций. Другой, не менее яркий пример: введение США санкций против Ирана в 1979 г. во время исламской революции. Иран до настоящего времени находится под американскими санкциями. Обходить санкции Ирану с помощью особой системы платежей помогают Россия, Китай и, как ни парадоксально, страны Евросоюза. Евросоюз разработал схемы обхода своих же санкций, так как без энергоносителей из России и Ирана Европа обойтись не может.

По мнению А. Мелик-Багдасарова рассчитать успешность санкционного давления можно по формуле: $(A1+B1) - (A2+B2) = X$. Где $A1$ – это военная мощь государства, накладывающего санкции, а $B1$ – это его экономическая мощь, $A2$ и $B2$ – это военная мощь и экономическая мощь государства-адресата и его союзников, X – переменная величина, квалитметрически выражающая эффективность санкции. Условное значение мощи оценивается по 10-балльной шкале, если X будет равен или больше 5, то санкции достигнут цели, если меньше, то нет [5]. Используя данную формулу, автор рассчитал возможную эффективность санкций, которые ввел Евросоюз в 2014 году против РФ. Получил $X=-1$: Евросоюз $(5+8) - (9+5)$ Россия = 1. Следует уточнить, что А. Мелик-Багдасаров оценивал военную мощь ($A1, A2$) и экономическую мощь ($B1, B2$) на основе субъективных критериев.

Тем не менее, данный подход заслуживает внимания. Во всяком случае, Россия ввела ответные санкции и Евросоюз понес еще большие убытки, чем РФ. Как видим, экономические результаты санкционной политики Евросоюза по отношению к РФ коррелируются с математическими построениями А. Мелик-Багдасарова. Поэтому трудно не согласиться с авторами И.Н. Тимофеевым и Т.А. Махмутовым [6], которые обоснованно приходят к выводу, что санкции являются мощным внешнеполитическим инструментом, использование которого должно предваряться грамотным планированием и выверенной оценкой возможностей стран-инициаторов и стран-адресатов санкций. В противном случае санкционное воздействие может создать тупиковую ситуацию в дипломатических, экономических и даже культурных отношениях между сторонами конфликта.

По данным Д.Е. Алексеевой, применение санкций крупными странами и международными организациями в XX в. осуществлялось 174 раза, из них 109 инициировали США, 16 – Великобритания, 14 – Европейский Союз, 13 – СССР и Россия, ООН – 20 раз [1, с. 21]. Таким образом, санкции можно охарактеризовать как асимметричный инструмент, доступный в первую очередь экономически доминирующим государствам и коалициям. Их применение против менее развитых или финансово уязвимых «стран-мишеней» создаёт ситуацию структурного неравенства, когда инициаторы, в силу своего масштаба и интеграции в глобальную финансовую систему, обладают значительной иммунитетом к потенциальным ответным мерам, что делает этот инструмент малозатратным и относительно безопасным для них самих.

В стратегическом плане санкции часто выполняют роль инструмента гибридной войны, выступая в качестве предварительной, изматывающей меры. Их целью является системное ослабление экономики, политической стабильности и оборонного потенциала оппонента через финансовую блокаду, технологическую изоляцию и дестабилизацию социальной сферы, что в перспективе может либо вынудить его к уступкам, либо создать критически благоприятные условия для последующего применения военной силы с минимальными издержками для агрессора. Примером могут служить санкции против Северной Кореи и Ирана по срыву ядерных программ. Целью санкций является смена политических режимов, причем такие меры принимались в 80 из 174 случаев санкционных воздействий в XX в. Странами-мишенями были десятки стран, среди которых был СССР и все социалистические страны, многие развивающиеся страны, державшие курс на сближение с Советским Союзом. Санкции начали применяться против своих союзников, целью таковых было преодоление политических разногласий, причем они имели «даже большую эффективность, чем в борьбе с противниками [1, с. 21].

В 1991 г. с падением «железного занавеса» начался новый этап в международных отношениях. Важными событиями стало активное использование ООН санкций, широко применяемых в операциях вроде «Бури в пустыне» в Ираке, а позже в конфликтах в Ливии, Йемене и других регионах [14, с. 220]. Особое внимание привлекло распространение так называемых «таргетированных» (от английского «targeted» – целевых) санкций, направленных непосредственно на руководителей и элиту стран-правонарушителей, ограничивающих их свободу перемещения и финансовые возможности. Такой подход стал реакцией на опыт массовых санкций против режима Саддама Хусейна, которые повлекли трагические последствия для гражданского населения Ирака, вызвав бедность и массовый голод [9, с. 4].

Помимо законных санкций, утвержденных Советом Безопасности ООН, существуют меры, принимаемые государствами без согласия Организации Объединенных Наций. Особенно активно такими инструментами пользуются Европейский Союз и Соединенные Штаты Америки. Вопрос законности таких санкций остаётся открытым и вызывает немало споров, так, многие исследователи считают, что в современном международном праве государственный суверенитет больше не является достаточным основанием для произвольного, неограниченного применения силы [11, с. 135]. Односторонние санкции (а точнее рестрикции) одного государства или коалиции государств допустимы лишь в двух ситуациях: если имеется реальная угроза национальной безопасности этих стран [1, с. 29]. Что касается буду-

щих перспектив института международных санкций, на данный момент трудно предсказать, каким путём пойдет его дальнейшее развитие.

В академическом и политическом дискурсе о будущем глобального управления сформировались две радикально противоположные критические позиции, отражающие неудовлетворённость текущим состоянием институтов. Первая, направленная на реформу существующей системы, предлагает упразднить право вето постоянных членов Совета Безопасности ООН как анахронизм, парализующий коллективные действия. Вторая, более фундаментальная, ставит под вопрос саму легитимность и эффективность института санкций в его современном виде, рассматривая его как инструмент, чаще служащий интересам сильнейших, нежели защите общих норм. Независимо от остроты этих дискуссий, необходимо констатировать, что механизм санкций претерпел значительную историческую эволюцию: от тотальных эмбарго прошлого до современных точечных («умных») финансовых и секторальных ограничений. Сегодня он существует в разнообразных формах – односторонних, коалиционных и санкционированных ООН – и утвердился в качестве одного из ключевых инструментов принуждения.

В ряде случаев целенаправленное применение санкционных ограничений, создавая неприемлемые экономические издержки и подрывая военный потенциал, может выступать в качестве катализатора, ускоряющего готовность конфликтующих сторон к переговорному процессу и заключению мирного соглашения. Классическим историческим прецедентом, иллюстрирующим эту логику, является морская блокада Центральных держав (Германии, Австро-Венгрии, Османской империи), осуществлённая Антантой и её союзниками в период с 1914 по 1919 год. Эта тотальная экономическая изоляция, приведшая к острому дефициту ресурсов и краху тыла, рассматривается как один из ключевых факторов, подорвавших устойчивость германского режима и способствовавших окончанию войны. Данный опыт, демонстрирующий потенциал коллективного экономического принуждения, был впоследствии институционализирован и формализован в механизмах таких международных организаций, как Лига Наций, а затем и ООН, заложив основы для современного инструментария санкций, санкционированного многосторонними решениями.

Еще раз уточним в чем заключается существенное различие между санкциями и рестрикциями. Как отмечает Н.К. Семёнова [7], следует избегать смешение понятий «санкции» и «рестрикции». С точки зрения действующего международного права и легитимной институциональной практики, под санкциями следует понимать коллективные принудительные меры, санкционированные Советом Безопасности ООН на основании Главы VII Устава. Их правовая цель заключается в поддержании или восстановлении международного мира и безопасности путём принуждения государства-нарушителя к прекращению противоправного деяния, что служит защите самого принципа коллективной безопасности в условиях отсутствия мирового правительства.

В отличие от санкций, рестрикции – это односторонние или коалиционные ограничительные меры, инициируемые отдельными государствами или группами государств вне мандата Совбеза ООН. В современной геополитической практике они часто представляют собой инструмент реализации национальных или групповых интересов – будь то экономическая конкуренция, политическое давление или идеологическое противостояние. Эти интересы могут как совпадать, так и вступать в противоречие с декларируемыми общими целями мирового сообщества. Поэтому можно утверждать, что легитимные многосторонние санкции ООН остаются единственным универсально признанным механизмом принуждения, предназначенным для пресечения противоправной деятельности субъектов международного права в интересах всего международного сообщества. В то же время легитимность односторонних рестрикций остается глубоко дискуссионной: их критики указывают на избирательность применения, нарушение принципа суверенного равенства и использование в качестве орудия геополитики, тогда как сторонники апеллируют к необходимости защиты национальных интересов и прав человека в условиях неэффективности или паралича институтов ООН.

Санкционная политика Запада по отношению к России в своей идеологической основе опирается на русофобию, культивируемую в США и Евросоюзе. На протяжении веков Западная цивилизация обеспечивает свое экономическое развитие на ограблении стран других культурно-исторических типов. Как справедливо подмечает Д.К. Стожко: «этот характер является в основном техно-генетическим, в отличие от культурно-генетического характера Русского мира и российской цивилизации» [8]. Благополучие Запада всегда строилось на дешевой сырьевой подпитке своих экономик, использовании дешевой рабочей силы стран третьего мира. Россия со своими несметными запасами природных богатств, особым географическим положением всегда была заветной целью гегемонистской политики Западного мира.

В условиях современного социально-экономического кризиса, носящего затяжной характер, рушатся существующие международные институты, обслуживающие интересы Запада. На протяжении десятилетий глобальная архитектура, включая цифровые коммуникации, транснациональные логистические сети, МВФ, Всемирный банк, доминирование доллара США в качестве резервной валюты, формировалась в большей мере для обеспечения геополитических и экономических интересов Запада. Обострения геополитических противоречий в настоящее время приводят к кризису сложившейся геополитической системы. Данная трансформация не является случайностью, она отражает исчерпание модели глобализации, основанной на безусловном доминировании одного центра силы, поиск новых – полицентричных форм международного устройства.

С точки зрения политической философии, Россия в текущем цивилизационном сдвиге позиционируется как активный субъект-катализатор, а не пассивный объект. Её суверенная политика, опирающаяся на ресурсную базу и выражающаяся в ревизионистских действиях по пересмотру миропорядка, представляет собой сознательный вызов западной гегемонии. Это ускоряет фрагментацию униполярной системы и стимулирует создание альтернативных союзов. Фундаментальный конфликт возникает из столкновения двух проектов: западного, направленного на сохранение статус-кво, и российского, нацеленного на утверждение многополярности (лучше полицентричности). Это противостояние носит тотальный цивилизационный характер, проявляясь в комплексной экономической, информационно-идеологической и гибридной военной конфронтации, формируется контур мировой системы, основанной на противоборстве суверенных центров силы.

Техно-генетический характер Западной цивилизации привел её к системному спаду, как в экономической, так и в других областях общественной жизни: политической и духовной. Кризис ценностей в западных странах выдается за наступление «новой эры». Страны, в общественном сознании которых сохраняется духовно-нравственное ядро, воспринимаются как опасность для Западной цивилизации. Так, Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» Запад воспринимает как вызов.

В последние два десятилетия наблюдается стремительный рост экономик России, Китая и Индии, их сближение с Россией. Объединение стран БРИКС фактически является примером выстраивания отношений на культурно-генетической основе, на уважении и признании равноправных и суверенных партнеров в экономической и политической областях. Причем эти три великих державы находятся повышательной фазе долгосрочного цикла развития. Как отмечает Л.Н. Шабатура [12], циклы могут быть следующие: консервации, обскурантистские, релаксационные и инновационные циклы. Очевидно, что Запад попал в ловушку обскурантистского цикла, в то время как, Россия находится в инновационном цикле. Это хорошо просматривается в области военных технологий, в которых Россия существенно опережает Запад. Инновационные военные технологии неизбежно «вытянут» и другие отрасли российской экономики, имеющие социальное назначение. Страны Западного мира в ответ на экономический и технологический подъем, военное превосходство России отвечают повышением уровня русофобии, экономическим выражением которой являются многочисленные рестрикции против России.

Культурные различия между Западом и Россией не позволяют интегрироваться Европейской и Западной цивилизаций. Еще в XIX в. русский философ Н.Я. Данилевский в своей знаменитой книге «Россия и Европа» отмечал, что борьба России с Европой неизбежна в силу различий их культурно-исторических типов. Российскому (тем более русскому) сознанию присущи такие качества, как соборность, коллективизм, софийность, сизигия, самоотверженность и др. Русский мир объединяет народы, поэтому уместно говорить, что Россия не многонациональная страна, а многонародная нация. Традиционные ценности народов России в современную эпоху сильно поколеблены западным индивидуализмом, европейской культурой отмена, эгоизмом, западной массовой культурой и духом наживы рыночной экономики. После развала Советского Союза Россия стремилась влиться в семью европейских народов, но это стремление оказалось иллюзией. Этих иллюзий не было у Н.Я. Данилевского, который отмечал, что борьба с Западом излечит наши культурные недуги. Он пророчески дает совет будущим поколениям россиян о переводе «врагов поневоле» в друзья и предостерегает, чтобы Запад не овладел Россией и не вынул из него душу.

Выводы

Таким образом, в основе противостояния России и Запада лежат не просто экономические проблемы, а принципиальные различия в культурных основах. Материальные интересы лежат на поверхности, а причина противостояний кроется в духовных основаниях русской цивилизации, в той самой загадочной русской душе, русском менталитете. Запад наступает каждый раз на те же «грабли»: примеряет характерную для западного человека меркантильность на русского человека. Поэтому никакие рестрикции не могут сломить русское государство, русскую православную веру, русский менталитет. Многонародная российская нация сплавлена русским духом, который проявляется на полях СВО, проводимой Россией на территории Украины.

Воины, принадлежащие к разным поколениям (отцы и сыновья), разным этносам и разным религиям, в своем высшем патриотическом порыве называют себя русскими. Воюют на русских землях, освобождают русских людей от неонацизма, взращённого на Украине западными идеологами. Здесь уместно привести понятие «Русский мир», которое сложно определяется, оно многозначно, это понятие используется для описания культурноцивилизационной, геополитической и религиозной концепции, подразумевающей объединение русскоязычного населения по всему миру. Важную роль играет русская православная церковь, русский язык и культура, общая историческая память.

России противостоять широкомасштабным санкциям Запада помогают многие страны мира, среди которых такие гиганты, как Китай и Индия. На примере антироссийских санкций можно видеть, что санкционная политика стран Запада есть обоюдоострое оружие. Более того, применение этого оружия вызывает глубинные изменения в сознании народов, а также пересмотр политико-философских концепций устойчивого развития мира. Нестабильность и трудно прогнозируемые трансформации мирового порядка вызывают макроэкономические, политические, социокультурные сдвиги. Санкционная политика США и их сателлитов, попытки удержания однополярного мира приводят к повышению степени хаоса в глобальных масштабах и кристаллизации новых мировых центров силы.

Мир де факто становится полицентричным. Понятие многополярность отражает противоположности разных центров силы, а полицентричность снимает противоположность и подчеркивает равнозначность центров, их взаимоуважительные позиции. Поэтому предпочтительнее использовать понятие «полицентричность». Применяя энтропийный подход к формированию полицентричного мира, можно, с определенной степенью уверенности, прогнозировать скачкообразный переход мировой политической системы в новое более упорядоченное и, соответственно, устойчивое состояние, которое вынесет на первый план конструктивное сотрудничество между несколькими центрами силы в мире.

Интегральный вывод заключается в следующем: в справедливом мировом политическом устройстве односторонние санкции должны применяться в качестве второстепенного инструмента политического давления.

Список источников

1. *Александрова Д.Е.* Односторонние санкции в контексте современного международного права // *Международное право*. 2023. № 3. С. 21–29.
2. *Джазаири И.* Доклад специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека. Генеральная ассамблея ООН. Совет по правам человека. 10 августа 2015 г. – URL: <https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/RegularSessions/Session30/Pages/30RegularSession.aspx> (дата обращения 23.12.2025).
3. *Зейнешев Т.Ж.* Виды санкций в международном праве. М.: Юрайт, 2019. 378 с.
4. *Крицкий К.В.* Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве // Дис. канд. юрид. наук. М., 2019. 186 с.
5. *Мелик-Багдасаров А.* Экономические санкции как внешнеполитический инструмент в современном мире. – URL: <https://nicrus.ru/analytics/sankcii> (дата обращения 02.01.2026).
6. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия / Сост. И.Н. Тимофеев, Т.А. Махмутов. М.: НП РСМД, 2018. 280 с. – URL: https://russiancouncil.ru/upload/iblock/796/riac_sanctions_book.pdf
7. *Семенова Н.К., Марченкова Е.А., Грачева И.В.* Санкции, односторонние ограничительные меры и рестрикции в международном праве. – URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/sanktsii-odnostoronnie-ogranichitelnye-mery-i-restriksii-v-mezhdunarodnom-prave.pdf>
8. *Стожко Д.К.* Антироссийские экономические санкции: историко-философский контент. – URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/antirossiyskie-ekonomicheskie-sanktsii-istoriko-filosofskiy-kontent.pdf>
9. *Ткаченко Е.Д.* Понятие, цели, принципы применения экономических санкций в международной торговой практике // *Молодая наука Сибири*. 2020. № 2. С. 4–8.
10. Устав ООН (полный текст). – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения 18.12.2025).
11. *Четверикова А.С.* Инвестиционное сотрудничество России и влияние санкций // *Проблемы прогнозирования*. 2020. № 2. С. 130–140.
12. *Шабатура Л.Н.* Социогенез традиции. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2003.
13. *Vapat N., Heinrich T., Kobayashi Y., Morgan C.* Determinants of Sanctions Effectiveness: Sensitivity Analysis Using New Data // *International Interactions*. 2013. Vol. 39. P. 79–98.
14. *O'Sullivan M.L.* *Shrewd Sanctions*. Brookings Institution Press, 2003. 424 p.
15. *Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B.* (2009) *Economic Sanctions Reconsidered*. 3rd ed. Peterson Institute for International Economics.

References

16. *Alexandrova D.E.* Unilateral sanctions in the context of modern international law // *International law*. 2023. No. 3. P. 21-29.
17. *Jazairi I.* Report of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights. The UN General Assembly. The Human Rights Council. August 10, 2015 – URL: <https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/RegularSessions/Session30/Pages/30RegularSession.aspx> (accessed 23.12.2025).
18. *Zeyneshev T.J.* Types of sanctions in international law. М.: Yurayt, 2019. 378 p.
19. *Kritsky K.V.* Sanctions and unilateral restrictive measures in modern international law // PhD of Law Dis. М., 2019. 186 p.

20. *Melik-Bagdasarov A.* Economic sanctions as a foreign policy tool in the modern world. – URL: <https://nicrus.ru/analytics/sankcii> (accessed 02.01.2026).
21. Education Policy: textbook/ Comp. I.N. Timokheev, T.A. Makhmutov. M.: NP RIAC, 2018. 280 p. - URL: https://russiancouncil.ru/upload/iblock/796/riac_sanctions_book.pdf
22. *Semenova N.K., Marchenkova E.A., Gracheva I.V.* Sanctions, unilateral restrictive measures and restrictions in international law. – URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/sanktsii-odnostoronnie-ogranichitelnye-mery-i-restriksii-v-mezhdunarodnom-prave.pdf>
23. *Stozhko D.K.* Anti-Russian economic sanctions: historical and philosophical content. – URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/antirossiyskie-ekonomicheskije-sanktsii-istoriko-filosofskiy-kontent.pdf>
24. *Tkachenko E.D.* The concept, goals, principles of the application of economic sanctions in international trade practice // Young Science of Siberia. 2020. No. 2. p. 4-8.
25. The UN Charter (full text). – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (accessed 18.12.2025).
26. *Chetverikova A.S.* Investment cooperation of Russia and the impact of sanctions // Problems of forecasting. 2020. No. 2. P. 130-140.
27. *Shabatura L.N.* Sociogenesis of tradition. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2003.
28. *Bapat N., Heinrich T., Kobayashi Y., Morgan S.* Factors determining the effectiveness of sanctions: sensitivity analysis using new data // International interactions. 2013. Volume 39. P. 79-98.
29. *O'Sullivan M.L.* Reasonable sanctions. Brookings Institution Publishing House, 2003. 424 p.
30. *Hufbauer G., Schott J., Elliott K., Egg B.* (2009) Revision of economic sanctions. 3rd ed. Peter Institute of International Economics.

Статья поступила в редакцию 16.01.2026; одобрена после рецензирования 30.01.2026; принята к публикации 02.02.2026.

The article was submitted 16.01.2026; approved after reviewing 30.01.2026; accepted for publication 02.02.2026.